

- Ф. 1. Оп. 1а. Д. 37. § 326; Ф. 63. Оп. 1. Д. 46. Л. 5–6, 42–45, черновик и перевод в Архиве внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ); Ф. Адм. дела. П-21. 1821 г. Д. 5. Л. 81–86об., 110–111 об., 195–196об.; ПФА РАН. Ф. 63. Оп. 1. Д. 46. Л. 66–70об., 73–75; Д. 29. Л. 52–55; АВПРИ. Ф. Адм. дела. П-21. 1821 г. Д. 5. Л. 204–205, 212.
25. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 19–63.
26. *Langsdorff G.* 1) Radix Caincae, die Wurzel der Chiococca racemosa Mart. Gegen Wassersucht // notisen aus dem Gebiete der Natur – und Heilkunde; von L. von Froriep. Nov., N 249. Erfurt-Weimar, 1825. S. 111; 2) Kurze Bemerkungen uber Anwendung und Wirkung der Cainca-wurzel. Rio de Janeiro, 1827.
27. *Завалишин Н.* Пребывание в Рио-Жанейро. Из путевых записок морского офицера 1826 и 1827 гг. // Сын Отечества. 1829. Т. III. Ч. 125. С. 281–293.
28. DLII, p. 229.
29. Expedição Langsdorff. Centro Cultural Banco do Brasil. – 2010. São Paulo, 23 de fevereiro a 25 de abril; Brasília, 10 de maio a 18 de julho; Rio de Janeiro, 2 de agosto a 26 de setembro. Rio de Janeiro, 2010. [Парал. на англ. яз.]. P. 14–35, 195–245.
30. A New General Atlas by A. Arrowsmith. London – Edinburgh, 1817. LIII (South America); Süd America aus den zuverlässigsten Nachrichten und bewährtesten Bestimmungen entworfen v. G. G. Reichard. Weimar, 1817.
31. *Крылова О. В., Герасимова Т. П.* География материков и океанов. 7 класс. Учебник. М., 1998. С. 152; *Душина И. В., Коринская В. А., Щенев В. А.* География. Наш дом – Земля. Материки, океаны, народы и страны. 7 класс: учебник. 10-е изд. М., 2005. С. 164; *Коринская В. А., Душина И. В., Щенев В. А.* География материков и океанов. 7 класс : учебник. М., 2007. С. 168; *Душина И. В., Коринская В. А., Щенев В. А.* География. Материки, океаны, народы и страны. 7 класс : учебник / под ред. В. П. Дронова. М., 2009. С. 147; *Крылова О. В.* География. Материки и океаны. 7 класс : учебник. М., 2009. С. 176.
32. *Комиссаров Б. Н.* 1) «Лангсдорф – XXI век»: экологический проект для России и Бразилии // «О Камчатской земле написано...»: матер. XXIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2006. С. 129–133; 2) В полосе приграничья (между новым и постновым временем): как затормозить движение в техноген // Цивилизация: вызовы современности / под ред. М. С. Уварова. СПб., 2009. С. 209–224; 3) По Камчатке маршрутами Г. И. Лангсдорфа // Пятые Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения : материалы. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 145–148; 4) Международный культурно-экологический проект «Лангсдорф – XXI век» в 2010–2011 гг. и место в нем Камчатского края // «О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...»: матер. XXVIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 107–111; 5) *Komissarov B. N.* “Projeto Langsdorff Seculo XXI” e desenvolvimento das relações russo-brasileiras (1828–2008) // Brasil – Rússia: história, política, cultura / org/ Alexander Zhebit. Rio de Janeiro, 2009. P. 179–188.
33. DLIII, p. 246.
34. ПФА РАН. Ф. 63. Оп. 1. Д. 8. Л. 32об.
35. DLIII, p. 256.
36. Ibid., p. 159–160.
37. Ibid., p. 266.
- 38 [Рубцов Н. Г.]. Путешествие Лангсдорфа в Южную Америку в 1820-х годах // ПФА РАН. P. IV. Оп. 1. № 1012. Л. 77 об.
39. *Kossov B.* Hercules Florence, 1833: a descoberta isolada da Fotografia no Brasil. São Paulo, 1980.
40. DLIII, p. 271.
41. АВПРИ. Ф. Адм. дела. П-21, 1821. Д. 5. Л. 232об.
42. DLIII, p. 275.
43. Ibid., p. 277.
44. Ibid., p. 278.
45. *Florence H.* Viagem fluvial de Tieté ao Amazonas de 1825 a 1829. São Paulo, 1948. P. 305.
46. АВПРИ. Ф. Адм. дела. П-21. 1821. Д. 5. Л. 232об.
47. Там же. Л. 232–233об.
48. Там же. Л. 234об., 235об.
49. Попытку разобраться в природе психического заболевания Г. И. Лангсдорфа предпринял один из потомков Эрнста Флоранса бразильский психиатр Др. Франсиско А. Флоранс Нето. См.: Florence Neto F. A. Uma observação sobre a doença mental de Langsdorff // Boletim do Centro de Memória UNICAMP. Vol. 3. N 6. Jul. / Dez. P. 11–20.
50. *Waldbuhl W.* Georg Heinrich von Langsdorff // Neuer Nekrolog der Deutschen. Bd. 30. Weimar, 1852. S. 441–442.

С. А. Корсун
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
А. С. ФОРШТЕЙНА НА ЧУКОТКЕ

Одним из учеников основоположника советской этнографической школы Владимира Германовича Богораза (1865–1936) был Александр Семенович Форштейн (1904–1968), в 1927–1929 и 1929–1933 гг. он провел полевые исследования среди азиатских эскимосов и чукчей.

Родился А. С. Форштейн в г. Марселе во Франции в семье эмигрантов из России. Уже в детстве он говорил на французском, английском и русском языках. В 1911 г. вместе с родителями вернулся в Россию. В 1926 г. А. С. Форштейн поступил на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета. Прочувшись в университете в течение года, в возрасте 23 лет он выехал на Чукотку для проведения полевых исследований. Н. И. Гаген-Торн сообщает:

«А. С. Форштейн с 1926 (с 1927. – С. К.) по 1929 г. работал на Чукотке, где занимался организацией школы. Он объехал поселки азиатских эскимосов, изучил их язык, был принят в род. В 1930–1931 гг. Форштейн жил на Шелакском мысу, в 1931–1932 гг. – в низовьях Колымы. Все это время он вел как теоретическую, так и практическую просветительскую работу» (3, с. 144).

Планировалось, что по прибытии на Чукотку А. С. Форштейн займет должность руководителя школы чукотского пос. Уэлен, но оказалось, что эта вакансия занята Петром Яковлевичем Скорником (1906–1985). О педагогической работе А. С. Форштейна среди эскимосов, но без упоминания его фамилии, писал Георгий Алексеевич Меновщиков (1911–1991):

«В 1927/28 учебном году в эскимосских поселках Наукан, Чаплино, Урелики и Имтук впервые организуются начальные школы. Первые русские учителя, приехавшие с “Большой земли”, несмотря на то, что эскимосы с большой охотой и радостью отнеслись к организации школ в их поселках, сталкивались в своей работе с неимоверными трудностями при организации школьного дела.

В эскимосских селениях Имтук и Урелики не было в то время даже школьных помещений, и детей приходилось обучать в пологе, где одновременно находились все члены семьи. Учащиеся обычно садились на кожаный пол полога в два-три ряда. При этом сидящие в первом ряду писали на маленьких ящиках из-под патронов, а те, кто располагался сзади, пристраивали тетради на спинах своих товарищей. От жирников сильно пахло, в пологе становилось душно, поэтому как учащиеся, так и учитель быстро уставали. Но, несмотря на трудности, работа в школе не прекращалась» (10, с. 137–138).

По данным И. И. Крупника и Е. А. Михайловой, большую часть 1928 г. А. С. Форштейн провел в сел. Унгазик на м. Чаплино. Отсюда он совершил несколько кратковременных поездок в соседние эскимосские поселки. Зимой и летом он побывал в селении Сиклюк, весной ездил в поселки юго-восточной Чукотки – Имтук и Сиреники. В 1927 или 1928 гг. он предпринял поездку на север в сел. Наукан на м. Дежнева и в сел. Имаклик, расположенное на о. Ратманова (Большой Диомид) в Беринговом проливе (8, с. 202–205).

А. С. Форштейн собрал интересную коллекцию по традиционной культуре азиатских эскимосов и сделал более 140 фотографий. В настоящее время в фондах отдела Сибири Музея антропологии и этнографии (МАЭ) находятся этнографические коллекции А. С. Форштейна по азиатским эскимосам – № 4211, переданная в 1929 г., и № 5417, переданная в 1936 г., а также фотоиллюстративная коллекция № И-429 (11, с. 278). И. И. Крупник и Е. А. Михайлова ввели в научный оборот иллюстративную коллекцию № И-115 (8, 9). В фонде отдела Америки МАЭ хранится украшенная бисером сумка американских эскимосов, которую А. С. Форштейн получил в 1928 г. в подарок от эскимоса Панауи – жителя сел. Унгазик (№ 5116). Она поступила в музей в 1933 г.

О вторичном прибытии А. С. Форштейна на Чукотку в 1930 г. сообщается в заметке, помещенной в журнале «Советский Север»:

«Комитет Севера при Президиуме ВЦИК и кафедра палеоазиатских языков получили несколько радиogramм и писем, отправленных с парохода “Колыма” на его трудном пути между льдами Северного Ледовитого океана к устью р. Лены.

Эти сообщения отправлены молодыми этнографами, получившими образование на этноотделении б. Геофака, ныне Ленингр. Историко-лингвистический институт (ЛИЛИ).

Из них А. С. Форштейн и К. М. Форштейн (Мыльникова) высадились на мысу Шелакском. Они намерены в течение трех лет производить всестороннее изучение племени чукоч в районе Чаунской губы. Они предполагают в первый год откочевать вглубь тундры вместе с чукчами, ор-

ганизовать кочевую школу, со второго года вести стационарную работу. Они приготовились жить в чукотской яранге – во всем так как живут чукчи. Их не пугает, что в течение трех лет они, может быть, не увидят ни одного европейского лица (в Чаунскую губу возможны только случайные заходы пароходов, совершающих полярные рейсы).

Форштейн, как известно, до того два года провел среди эскимосов на м. Дежнева и Чаплина. Район Чаунской губы является еще более глухим и неисследованным местом, совершенно неизученным с точки зрения этнографии» (7, с. 51).

В конце 20-х гг. В. Г. Богораз разрабатывал план комплексной экспедиции по изучению народов северо-восточной Азии для разрешения проблемы заселения Америки. Практическим результатом этих планов и стали исследования А. С. Форштейна, которые, к сожалению, не завершились научными публикациями. В примечании к статье «Юитский (азиатско-эскимосский) язык» В. Г. Богораз писал:

«...Ряд дополнений и поправок внесены по материалам А. С. Форштейна, который провел среди юитов три года и недавно возвратился в Ленинград. Им же сообщены новейшие данные о расселении и численности юитов» (1, с. 105).

Известный специалист по искусству народов Сибири Сергей Васильевич Иванов (1895–1986) высоко оценил результаты исследований А. С. Форштейна. Он сделал несколько ссылок на его устные сообщения (4, с. 444, 447) и опубликовал со слов А. С. Форштейна описание праздника солнца азиатских эскимосов (5, с. 221–223).

После возвращения в Ленинград в 1933 г. А. С. Форштейн принял на работу в отдел Сибири МАЭ, одновременно он преподавал в Институте народов Севера. А. С. Форштейн занимался созданием письменности для азиатских эскимосов. Он подверг суровой критике эскимосский букварь Елизаветы Порфирьевны Орловой (1899–1976) (18), который, по его мнению, «составлен совершенно неграмотно и не только не помогает развитию национальной письменности, но, наоборот, оказал и продолжает оказывать в настоящее время вредное влияние на язык, упрощая морфологическую структуру до характера жаргона» (11, с. 278).

В 1935 г. А. С. Форштейн опубликовал свой эскимосский букварь (14) и перевел с русского на эскимосский «Книгу для чтения» Катерины Семеновны Сергеевой (1898–1975) (12). На основе этих учебных изданий сразу же появилось методическое пособие (2). В 1934–1935 гг. А. С. Форштейн и К. С. Сергеева продолжили плодотворную совместную работу, которая завершилась переводом второй «Книги для чтения» (13). Тогда же А. С. Форштейн опубликовал книжку эскимосских сказок (17) (в 1936 г. ее переиздали) и выступил в роли редактора детской книги Е. И. Чарушина, переведенной на эскимосский язык К. С. Сергеевой и Амкауна Нынлювака (15).

В 1936 г. А. С. Форштейн командировали на три месяца в Национальный музей Дании (НМД), где он работал с конца апреля до начала августа. В Копенгагене А. С. Форштейн изучал коллекции по американским эскимосам, сотрудничал с В. Тальбицером, К. Биркет-Смитом, Л. Хаммерих и др., переписывался с В. И. Иохельсоном и Ф. Боасом (8, 9, с. 213–214). Он передал в НМД коллекцию рисунков азиатских эскимосов и вещи из своих сборов. Попытки А. С. Форштейна переехать в США или принять участие в длительной зарубежной экспедиции не увенчались успехом. Для датских исследователей он был интересен как советский коллега, который в будущем сможет провести археологические раскопки на Чукотке. После возвращения из Дании, в отдел Америки МАЭ от А. С. Форштейна поступили фотографии экспонатов НМД. В результате его командировки, в 1937 г. МАЭ получил коллекцию из 123 предметов археологии (№ 5526), собранную участниками Шестой экспедиции Туле Кнута Расмуссена в 1931–1933 гг. в восточной и западной Гренландии. У А. С. Форштейна были хорошие перспективы стать крупным ученым, кроме европейских языков он овладел языками чукчей и азиатских эскимосов (11, с. 276).

В 1935–1936 гг. В. Г. Богораз работал над созданием выставки «История техники народностей арктической Евразии и Америки», которая должна была стать связующим звеном между экспозициями МАЭ по народам Сибири и Северной Америки. После возвращения из Дании работу над этим проектом продолжил А. С. Форштейн. Он писал:

«...Выставка должна выявить отдельные этапы в развитии приморского охотничьего хозяйства, от его наиболее ранних форм, известных лишь по ряду археологических находок (раскопки Грдлички, Коллинза и др.), до его современных форм, продолжающих бытовать у целого ряда приморских арктических и отчасти субарктических народностей Евразии и Америки. Как-то: у эскимосов, алеутов, приморских коряков и чукчей, а также как параллельный тип у гиляков и отчасти у самоедов (ненцев), тлинкитов и др.

В своем экспозиционном плане выставка должна выделить как отдельные этапы в развитии арктического приморского хозяйства: 1) так наз. “протоэскимосскую культуру”, соответствующую раннему неолиту, 2) так наз. “культуру Туле”, соответствующую позднему и пережиточному неолиту, и 3) технику современного охотничьего приморского хозяйства, соответствующую периоду европейского влияния. <...>

Одновременно выставка не должна обойти (вниманием. – С. К.) имеющиеся параллели между техникой данного (арктического. – С. К.) хозяйственного типа и техникой “мадлена”, как косвенно связывающей первую с палеолитом» (19).

Завершить работу по созданию этой выставки А. С. Форштейн не успел. В мае 1937 г. его арестовали по обвинению в принадлежности к «троцкистско-зиновьевской, шпионско-террористической организации». А. С. Форштейн был осужден 8 января 1938 г. Военным трибуналом Ленинградского военного округа по статьям 58-б, 19-58, 58-11 УК РСФСР его приговорили к расстрелу с конфискацией имущества. Решением Военной коллегии Верховного суда СССР расстрел был заменен десятью годами лишения свободы. Начало срока – 20 мая 1937 г., после осуждения А. С. Форштейна отправили на Колыму, куда прибыл 28 октября 1938 г. Он отбывал срок заключения в Дорожном лагере Южного горнопромышленного управления, в лагере был вторично обвинен в антисоветской агитации и подготовке к побегу. Дело было прекращено за недостатком улик. 20 ноября 1942 г. А. С. Форштейн перевели в Тенькинский лагерь, а 3 июля 1946 г. – в Магаданский лагерь. Освободили его 20 мая 1947 г. (6, с. 58–59). После освобождения он изменил фамилию Форштейн на Маралов, поселился в Ташкенте, где работал ведущим специалистом в области строительства. В науку А. С. Форштейн больше не вернулся.

1. Богораз В. Г. Юитский (азиатско-эскимосский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. Языки и письменность палеоазиатских народов. Труды Научно-исследовательской ассоциации народов Севера ЦИК СССР. Труды по лингвистике. Т. III. М.; Л., 1934. С. 105–128.

2. Васильев Г. П. Методическое пособие для учителей эскимосских школ к букварю А. С. Форштейна и к книге для чтения К. С. Сергеевой. В помощь учителю эскимосской школы. М.; Л.: Учпедгиз, 1935.

3. Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145.

4. Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. (ТИЭ. Новая серия. Т. 22). М.; Л., 1954.

5. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (ТИЭ. Новая серия. Т. 81). М.; Л., 1963. 500 с.

6. Издания на языках коренных малочисленных народов Севера (итильменском, корякском, чукотском, эвенкском, эскимосском, юкагирском) в учреждениях Магаданской области: сводный каталог / авт.-сост. О. А. Толоконцева. Магадан: Кордис, 2008. 224 с.

7. К организации первых туземных школ на Северном побережье Чукотского полуострова // Советский Север. 1931. № 1. С. 51.

8. Крупник И., Михайлова Е. Пейзажи, лица и истории: фотографии Александра Форштейна (1927–1929) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 188–219.

9. Крупник И., Михайлова Е. Эскимолог Александр Форштейн (1904–1968) // Тропюю Богораз. Научные и литературные материалы. М.: Институт Наследия – ГЕОС, 2008. С. 32–43.

10. Меновицков Г. А. Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1959. 148 с.

11. Решетов А. М. Александр Семенович Форштейн (1904–1968). Страницы биографии репрессированного ученого // П Диковские чтения: матер. научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан, 2002. С. 275–279.

12. Сергеева К. С. Книга для чтения. Ч. 1. пер. с эскимосск. А. С. Форштейна. М.; Л.: Учпедгиз, 1935. 24 с.

13. Сергеева К. С. Книга для чтения для первого класса начальной школы / пер. с эскимосск. А. С. Форштейна. М.; Л.: Учпедгиз, 1935а. 95 с.

14. Форштейн А. Эскимосское слово: Букварь. М.; Л.: Учпедгиз, 1935. 90 с.

15. Чарушин Е. И. Животные жарких стран. На эскимосском языке / пер. К. С. Сергеева и Амкауна Цынлювака / под ред. А. С. Форштейна. Л.: Детгиз, 1935. 12 с.

16. Крупник И. Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic/North Pacific Anthropology. Part I. From Jesup Expedition to the Cold War, 1897–1948 // Arctic Anthropology. 1998. V. 35. Num. 2. P. 199–226.

17. [Forštėjnъm] Jpīgъm uŋparataŋi (Сказки азиатских эскимосов записаны в поселке Унгазик А. С. Форштейном). Moskva ; Leningrad : Detgiz, 1935. 24 с.
18. Xwaŋkuta ihaput. Atasъm Makumit ihat. (Наша книга. Первая эскимосская книга). Leningrad : Uspedgiz, 1932. 72 p.
19. АМАЭ. Ф. К–IV. Оп. 8. № 131. Л. 1.

А. В. Костыря

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК В СОБЫТИЯХ БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ

С древних времен в истории существовала традиция описывать события через повествование о жизни и деятельности людей, участвовавших в них. Изучению проблемы роли личности в истории уделено немало места в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Уже само по себе то, что вопрос о роли личности постоянно обсуждается среди ученых, как современных, так и живших в далеком прошлом, говорит о несомненной значимости человеческой жизни и деятельности для понимания истории. Однако степень этой значимости в разное время определялась по-разному. На это влияли разные факторы: социально-политические условия; идейные принципы той эпохи, в которой жил ученый, описывающий исторический процесс; личность самого ученого, не лишённого субъективных оценок и суждений в описании исторических явлений и процессов.

Исторические сочинения прошлого в основном представляли собой описания жизни и деятельности выдающихся личностей как основных двигателей исторического процесса. Подобное положение сохранилось вплоть до середины XIX в., когда от описаний поступков исторических героев историки повернулись лицом к изучению тех сил, действие которых, как казалось, определяет историю. Ход исторического процесса, появление личностей на исторической арене и их деятельность теперь объясняются в соответствии с непреложными законами.

Современные историки используют другой подход. Предметом истории становится человек. «От изучения государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов обратимся к малым жизненным мирам» (1, с. 78) – так звучал призыв германских исследователей, задумавших написать новую социальную историю – историю рядовых, обычных, малых людей. Значимость микроисторического подхода в исследовании повседневности определяется тем, что он позволяет принять во внимание множество частных судеб. История повседневности стала реконструкцией жизни незамечательных людей, которая не менее важна исследователю прошлого, чем жизнь людей замечательных.

Все, что имеет отношение к человеку и его деятельности, подлежит изучению историка, так как в этом заключены «источники жизни» (5, с. 68) общества. Особенное внимание стали уделять деятельности личности в переломные, решающие моменты исторического развития, когда человек осуществляет выбор, повлиявший и на его судьбу и на судьбу страны. Такой подход позволяет понять степень свободы индивида в историко-политических, этнокультурных обстоятельствах. Это помогает раскрыть возможные альтернативы истории, показать роль ситуаций выбора, историческую значимость жизненной позиции каждого человека. Через познание действующего человека познается история. Новое понимание прошлого как истории снизу или изнутри, дает голос маленькому человеку, жертве модернизационных процессов: как необычному, так и самому рядовому. В биографиях отдельных людей отчетливо отражаются факты и явления общественной жизни, изучая их, можно получить представления о результатах этого воздействия.

Евгения Ильинична Инданова, жительница с. Аनावгай Быстринского района, имеет одну запись в своей трудовой книжке – с 1981 г. она бессменный руководитель сельской библиотеки. Евгения Ильинична родилась в семье Ильи Афанасьевича Инданова: одного из первых строителей с. Аनावгай, участника боевых действий в войне с Японией на территории Монголии в 1945 г. После войны отец работал в колхозе, строил теплицы, здесь и познакомился с будущей мамой Е. И. Индановой. Был он еще и столяром, делал мебель, до сих пор в доме Евгении Ильиничны есть стулья и этажерка, сделанные его руками. В начале 70-х гг. прошлого века отца направили в табун звеньевым в отстающее звено, так как он был коммунистом и ответственным человеком. В 1972 г., под Новый год, случилось несчастье и отца не стало (2).

Мама Евгении Ильиничны летом работала в овощеводстве в теплицах, выращивала рассаду. А зимой – прачкой в прачечной, стирала белье для детского сада, школы-интерната. В семье было

шестеро детей, всех надо было поднять на ноги. На пенсии работала в КБО надомницей, занималась шитьем, шила торбаса. Шкуры выделывали сами, брали их во время забоя оленей. Родители Евгении Ильиничны привили ей любовь к родному краю, труду, сформировали ответственное отношение к делу.

Читать она научилась до того, как пошла в школу. «Я научилась читать сама вверх ногами, когда папа читал газету, я ее (газету) снизу читала», – вспоминает Евгения Ильинична. Начальную школу закончила в Аनावгае, а с 4-го класса училась в Эссо, жила, как и все эвенские и корякские дети, в интернате. Было тяжело, но жизнь в интернате учила выдержке, коллективизму. Тепло и уважительно Евгения Ильинична отзывается о своих учителях. Большинство из них были приезжие, настоящие профессионалы, не считались со временем, давали очень хорошие знания. «Когда заканчивала школу, приехали другие учителя, более равнодушные, отстраненные», – вспоминает Евгения Ильинична (2). Учась в школе, забыла родной язык, так как на нем запрещали говорить. Учителя считали, что это было хорошо для получения дальнейшего образования. Они ходили по домам учеников и говорили родителям, чтобы те общались со своими детьми только на русском языке. По мнению Евгении Ильиничны, язык бы сохранился, если бы не запрещали говорить на нем, жалеет, что сейчас понимает родной язык с трудом.

Она окончила школу с хорошими результатами. Родители хотели, чтобы дочь стала учителем, ее отправляли учиться в Ленинград. Но она отказалась и без направления поехала в Хабаровск, поступать в институт культуры. Закончила его в 1981 г., вместе с ней получили дипломы всего 4 человека из представителей коренных народов (3). Евгении Ильиничне очень хотелось вернуться домой, но надо было ехать по распределению. К счастью, ей прислали вызов из Быстринского района, и, вернувшись в Аनावгай, она сразу приняла библиотеку. И хотя ее уговаривали остаться работать в Эссо, она настояла на своем решении и приняла сельскую библиотеку у Анны Петровны Бараули. И с этого момента вся ее трудовая и общественная жизнь связана с этим учреждением.

Так как она была комсомолкой, активной общественницей, ее в 1987–1991 гг. избрали депутатом Камчатского областного совета народных депутатов от Быстринского района. Особенно ей запомнилась одна из сессий. На ней решался вопрос о закрытии Быстринского района и передаче всех его административных функций Мильковскому району. Шла очередная волна централизации, и на сессии депутаты должны были утвердить решение, принятое Камчатским Обкомом КПСС. Евгения Ильинична рассказывает: «Я попросила слово вне очереди как депутат района, в регламенте сессии меня не было, обратилась к депутатам, к руководству области. Напомнила им о постоянном закрытии поселков на Камчатке, о переводе в места, где люди никогда не жили, о том, что выбросили из названия района слово национальный, хотя никто этого не отменял официально. Сказала и о мнении оленеводов – они хотели уйти в леса. Выступала эмоционально: привела пример Чечни, Сумгаита, провела аналогии. Депутаты поддержали меня и проголосовали против централизации. Потом устроили разборки, выясняли, кто меня настроил... Досталось и Девяткину, и Евстифееву. Район отстояли, но централизация частично прошла. Говорят, что придет время и нас как района не будет» (2).

За годы работы Е. И. Индановой библиотека стала интеллектуальным центром села. Заведующая библиотекой стремилась собрать все доступные источники информации об истории и культуре коренных народов Камчатки. При библиотеке был создан кружок любителей краеведения. Благодаря его деятельности там хранятся сведения из истории с. Аनावгай, воспоминания старожилов, родословные, фотографии, письма из семейных архивов его жителей. Сбор материала проводят дети среднего и старшего возраста. Общение подростков со старшим поколением помогает им усваивать традиции и ценности своих предков. Детям нравится заниматься такой работой, им интересно узнавать о жизни предков. Такая деятельность формирует любовь подрастающего поколения к родному краю, ответственность за него. Работа кружка ведется совместно с сельским домом культуры (СДК), собранные материалы оформляются работниками СДК с помощью Евгении Ильиничны и используются при проведении различных мероприятий для жителей села (3).

При библиотеке был создан кружок «Мицар» под руководством Евгения Львовича Солодиков, увлеченного археологией, любящего родные просторы. В свою практику он ввел проведение дальних экскурсий, походов, экспедиций старшеклассников по Быстринской земле. Во время походов учащиеся видят исторические стоянки предков, изучают природные богатства края. Информацию о результатах походов также можно найти в библиотеке. В ней многократно устраивали фото-выставки Евгения Солодиков в честь юбилейных дат образования Быстринского района.

В 1991 г. К. С. Черканов, который был родом из Аनावгай, посмертно стал лауреатом премии